

УДК 165:316.77

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-215-222

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМООБМЕНА В ПРОЦЕССАХ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сидоренко Владимир Александрович

Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки

Когнитивные процессы, лежащие в основе взаимодействия культурной информацией, носят двоякий характер: с одной стороны, антропосферный уровень организации культурного знания позволяет реципиенту получать его в максимально обработанном и готовом к использованию виде, с другой — такое получение из культуры готовых решений встающих перед ним проблем приводит к снижению способности индивида к созданию собственных творческих наработок. Процессы обработки культурной информации подразделяются на ассимилятивные (направленные на включение входящих данных в ментальную систему получателя) и аккомодационные (направлены на адаптацию собственного мировоззрения к информации, поступающей извне). Поступающая в процессе культурной коммуникации информация интериоризуется реципиентом в той мере, в которой он обладает сензитивностью к ней. Под сензитивностью в данном случае понимается способность гармонично встроить входящие данные в уже существующую систему когнитивных схем. При этом акт информационной трансляции выступает в роли стимула, а интериоризация данных — в качестве реакции на него. Основопологающим принципом усвоения культурной информации выступает когнитивная экономичность — стремление получить наиболее эффективное решение возникшей задачи с минимальными затратами мыслительных ресурсов. Результатом зачастую становится развитие когнитивной лени, неспособности и нежелания применять высвободившиеся ресурсы для творческих наработок, которые затем можно будет использовать в роли донора культурной информации. С увеличением объема усваиваемой информации повышается уровень адаптированности ее получателя к системе культуры как в локально-групповом, так и в глобальном смысле, применимом к человечеству в целом в качестве наибольшей из культурных групп. В то же время повышение степени культурной адаптации ведет к снижению творческого потенциала субъекта, поскольку творчество выводит человека за рамки общегруппового вектора культурного развития.

Ключевые слова: культурное пространство, глобализация, информационная трансляция, коммуникативные механизмы, ассимиляция, аккомодация, интериоризация информации, принцип когнитивной экономичности, творчество.

COGNITIVE BASE FOR THE INFORMATION INTERCHANGE IN THE PROCESSES OF CULTURAL COMMUNICATION

Vladimir A. Sidorenko

Saint Luka Lugansk State Medical University

Cognitive processes underlying the interchange of cultural information are twofold: on the one hand, the anthropospheric level of cultural knowledge organization allows the recipient to receive it in a processed and ready-to-use form. On the other hand, obtaining from the culture ready-made solutions to the problems faced leads to a decrease in the individual's ability to produce his or her own creative ideas. The processes of cultural information processing are divided into assimilative (aimed at the inclusion of input into the recipient's mental system) and accommodative (aimed at adapting his or her own worldview to information

coming from outside) ones. The information received in the process of cultural communication is internalized by the recipient to the extent he or she is sensitive to it. In this case, sensitivity is understood as the ability to harmoniously embed the input data into the existing system of cognitive schemes. At the same time, the act of informational translation becomes a stimulus, while the internalization of data is a reaction to it. A fundamental principle of cultural information assimilation is cognitive economy — the desire to obtain the most effective solution to the problem with the minimum expenditure of mental resources. Often, the result is development of cognitive laziness, inability and unwillingness to use the resources freed up for creative work which could then be used by the person as a donor of cultural information. With the increase in the amount of assimilated information, the level of its recipient's adaptability to the system of culture increases both in the local and global sense applicable to humanity as a whole as the largest of the cultural groups. At the same time, increasing the degree of cultural adaptation leads to a decrease in the person's creative potential since creativity takes a person beyond the general group vector of cultural development.

Keywords: cultural space, globalization, translation of information, communication mechanisms, assimilation, accommodation, interiorization of information, principle of cognitive economy, creativity.

Информационный взаимообмен, опосредованный свойственной культуре системой фильтрации и систематизации знания, является одной из исторических доминант антропогенеза. Способность оперировать значительными объемами абстрактных знаний позволила человеку занять особую когнитивную нишу в системе видовой эволюции и получить уникальный вектор развития, приведший на сегодняшний день к формированию особого типа общества — информационного. Функционирование и само существование такого общества опирается на ментальные структуры своих членов, выдвигая изучение когнитивных механизмов коммуникации на передний план современной философской антропологии и смежных с ней областей знания.

С психофизиологической точки зрения коммуникация базируется на определенной части нервной системы, не являющейся отделом мозга. Она включает в себя целый ряд элементов, начинающийся с рецепторов, к которым поступает входящая информация, и заканчивающийся эфферентными нейронами. Работа коммуникативного механизма не ограничена по времени — хронологические рамки может иметь само существование коммуникативного процесса начиная с момента его возникновения и заканчивая его завершением.

В процессе культурной коммуникации выделяются ассимилятивные и аккомодационные составляющие [Теоретическая социология..., 2002; Юдина Т.Н., 2007; Park R., 1989]. Фундаментальные информационные связи, рождающиеся в ходе развития коммуникационных отношений, не могут сводиться к эмпирическим ассоциациям — они состоят из ассимилятивных и аккомодационных механизмов как в биологи-

ческом, так и в рациональном смысле. Никакое поведение, даже если оно является новым для индивида, не представляет собой абсолютного начала. Оно всегда базируется на ранее полученной информации и поэтому зависит от степени ассимиляции новых элементов в уже существующие структуры (врожденные, как рефлексы, либо ранее приобретенные). Даже «стимульное голодание» (по Г. Харлоу) не может быть сведено к простому подчинению внешней коммуникационной среде, а должно скорее интерпретироваться как поиск функциональных элементов, которые способны быть ассимилированными в актуально функционирующие когнитивные схемы и структуры [Harlow H.F., Harlow P., 1999]. В этом контексте концепция «стимул – реакция» как общая формула мотивации поведения становится слишком общей и не всегда соответствует действительности, что ставит под сомнение универсальность поведенческого подхода к изучению процессов культурной коммуникации.

Очевидно, что стимул может вызывать определенную реакцию только в том случае, если организм изначально обладает чувствительностью к данному стимулу (либо, как Ваддингтон характеризует генетическую чувствительность к специфическим индукторам, обладает необходимой для реагирования «компетентностью») [Гончаров В.С., 2006]. Степень компетентности определяется как раз эффективностью функционирования ментальных структур, которые отвечают за коммуникативную корреляцию практической деятельности человека с общим направлением культурного движения социальной группы.

В отличие от социальной антропологии, классифицирующей коммуникативные катего-

рии в соответствии с социальными группами, одной из задач культурной антропологии является вычленение общечеловеческих информационных категорий, связанных с культурным опытом человечества в целом. Общечеловеческие категории являются интегрирующими в отличие от дифференцирующего подхода социоантропологов, что отличает общую теорию коммуникации от исследований этнографов (Ф. Ратцель, Ф. Гребнер, В. Шмидт), изучавших информационные структуры отдельных взятых социальных групп, условия и закономерности явлений культуры по странам и зонам, а также концепцию культурных кругов, состоящих из элементов той или иной культуры, появившихся лишь однажды у определенного народа («культуры»).

Значительным недостатком этнографического подхода является собственное позиционирование исследователя по отношению к объекту изучения. Методология таких исследований использует позиции герменевтики и понимающего подхода, требуя нахождения внутри культурной группы и интериоризации культурного опыта исследуемой группы. Вследствие такой позиции этнографический метод становится простым учетом существующего культурного опыта и сравнением этой информации у разных ее носителей. Поэтому в случае применения системного подхода к изучению предмета культуры следует определить конкретные информационные категории определенных групп как элементы коммуникативной системы более высокого уровня, каковой является культура человечества в целом без разделения на группы. Принципы функционирования коммуникативных механизмов являются общими для представителей любых этнических или социальных формаций, от которых зависит только наполнение коммуникативных схем теми или иными данными. При этом степень значимости конкретной локальной культуры для развития человечества в целом определяется степенью эффективности выработанных ею решений общечеловеческих проблем и возможностью применения этих наработок другими локальными культурами или культурой глобальной. Количественно такая значимость может быть выражена с помощью индекса культурной глобализации. В некоторой степени к данной системе взаимодействий применимы законы и принципы рыночной экономики, поскольку взаимоотношения участников процесса культурной коммуникации в определенных аспектах сводят-

ся к упрощенной схеме «производитель – потребитель». В то же время негативной стороной такой парадигмы является формирование потребительского отношения к культурным ценностям, ставшее одной из характерных черт современного глобализованного общества.

Основополагающим принципом формирования коммуникативных механизмов является принцип когнитивной экономичности (ПКЭ), предусматривающий максимальную эффективность ментальных процессов при минимальных деятельностных затратах. Ведущая роль при реализации принципа когнитивной экономичности отводится процессу категоризации, который упорядочивает массивы информации с целью облегчения дальнейшего оперирования.

Принципы философии позитивизма стали общими методологическими предпосылками бихевиоризма, окончательно выведя изучение коммуникативных механизмов культуры из-под крыла философии и позиционируя ее как междисциплинарную область знания, лежащую на стыке теории познания, психологии, культурологии и социологии. Бихевиоризм может считаться одним из непосредственных истоков теории культурной коммуникации, поскольку стартовой точкой любого коммуникативного механизма так или иначе является стимул, а собственно коммуникация может трактоваться как реакция на него, хотя между ними существуют и значительные различия.

Во-первых, будучи направлением психологии, бихевиоризм рассматривает исключительно модели поведения, т.е. непосредственную связку «стимул – реакция». Теория культурной коммуникации описывает более сложную цепочку: «воспринятая информация – система фильтрации – использование – проверка – обратная трансляция». При этом первый, третий и последний пункты могут трактоваться как стимулы и реакции на них, однако объектом изучения теории культурной коммуникации являются как раз промежуточные пункты, обуславливающие различное применение индивидами идентичной исходной информации.

Во-вторых, бихевиористы, в частности Б. Скиннер, предполагают существование у человека врожденных схем поведения, таких как дыхание, глотание и т.п. Данный постулат возвращает нас к вышеупомянутой полемике Декарта и Локка, в которой теория культурной коммуникации поддерживает сторону англича-

нина: врожденные коммуникативные схемы невозможны, поскольку познание и культурная коммуникация начинаются с момента рождения. И даже если принимать во внимание новомодную точку зрения о возможности познания эмбриона в пренатальный период, с позиций теории культурной коммуникации это лишь отодвигает точку отсчета. Это связано с тем, что гипотетическая эмбриональная коммуникация по сути своей все равно опытна, в то время как врожденные идеи априорны, т.е. сдвигаются лишь хронологические рамки формирования простейших схем с момента рождения к моменту зачатия, а их свойства остаются неизменными. Однако в целом принципы бихевиоризма оказали огромное влияние на развитие теории культурной коммуникации, в частности закон эффекта, который предусматривает закрепление только удачных реакций и тенденцию к их дальнейшему воспроизведению, а следовательно, включение в систему культуры эффективных культурных элементов и удаление неэффективных и дезадаптивных.

Данный принцип стал основополагающим для характеристики частотности обращения к коммуникативным механизмам и их устойчивости к изменениям под влиянием вновь приобретаемого опыта. Также на основе идей бихевиоризма было введено понятие скрипта как коммуникативной схемы, требующей минимального ментального усилия вследствие ее закреплённости в качестве реакции на определенный стимул. И, несмотря на попытку бихевиоризма игнорировать такие фундаментальные философские понятия, как сознание и мышление, за что течение было подвергнуто критике Л.С. Выготским, Ж. Пиаже и др., многие его законы и принципы переходят в область культурной коммуникации.

Отдельно следует отметить, что навешивание ярлыков (стереотипизация) не является исключительно негативным явлением. Корректные ярлыки способствуют процессу формирования коммуникативных информационных пакетов и успешной реализации ПКЭ. Сложность заключается в необходимости отличия верных стереотипов от неверных, что требует дополнительных умственных усилий. Отсюда следует сделать вывод о целесообразности разового (а в случае необходимости — повторного) нарушения ПКЭ с целью построения эффективной информационной структуры, которая, в свою очередь, способствует реализации ПКЭ в дальнейшем, по-

скольку когнитивная экономичность не является самоцелью и сэкономленные ресурсы должны использоваться для коррекции и критического осмысления собственного направления культурного движения.

М. Коул относит коммуникативные схемы к так называемым вторичным артефактам [Коул М., 1997, с. 145], подчеркивая, что первичными артефактами являются непосредственно объекты оперирования (причем собственно артефакты могут быть как материальными, так и идеальными), в то время как вторичные возникают путем применения первичных. Основной ролью вторичных артефактов является сохранение и трансляция культурного опыта, накопленного в первичных артефактах, что обеспечивает процесс культурной коммуникации через вторичные артефакты.

Информационные категории сводят разнообразие воспринимаемых и воображаемых явлений к одному. Таким образом экономятся ментальные ресурсы без значительного ущерба для результата коммуникативной деятельности. Однако ввиду многоплановости подобной деятельности одних информационных категорий недостаточно, тем более что, как правило, категоризация ограничивается словарным запасом индивида, являясь, по сути, пассивным процессом.

Для активной деятельности используются более сложные структуры, которые могут объединять значительное число категорий, а также иметь межкатегориальные связи [Lakoff G., 1987, p. 5–9; Rosch E., 1978, p. 27–29]. Чем более высоким когнитивно-поведенческим уровнем обладают сформированные системой автоматизмы, тем менее ментально затратной является выработка управления ними и тем более сложные задачи становится возможным решать при одинаковых затратах психической энергии. Автоматизм реализации является чрезвычайно важным параметром функционирования коммуникативных механизмов, ведь процесс культурной коммуникации должен быть максимально безболезненным, иначе он будет вызывать отторжение и сопротивление.

Отдельным вопросом в сфере исследования коммуникативных процессов является проблема их взаимодействия с памятью. Память как таковая широко исследовалась психологами, и в данной области когнитивная наука продвинулась достаточно далеко. Однако, по признанию когнитивного психолога Р. Солсо, более важный

вопрос, касающийся хранения и обработки информации, в значительной степени все еще остается без ответа [Солсо Р., 2006, с. 229].

Прежде всего необходимо отметить, что именно коммуникативные схемы отвечают за распределение информации по типам памяти (кратковременная, долговременная, рабочая и др.). Большую роль в этом взаимодействии играет категоризационный аспект коммуникативных механизмов: в соответствии с моделью Миллера рабочая память способна удерживать всего 7 единиц информации, например 7 букв [Haggbloom S.J. et al., 2002, p. 141]. Однако в случае категоризации (например, соединения нескольких букв в слово) 7 единицами информации становятся уже 7 слов, а не букв, что увеличивает объем и эффективность кратковременной памяти.

Операционная основа функционирования коммуникативных механизмов проводит параллель между культурной антропологией и теорией искусственного интеллекта (ИИ) [Прокопчук Ю.А., 2010]. Механический разум может быть гораздо эффективнее адаптирован к взаимодействию с другими субъектами, нежели человеческие существа, благодаря более простому построению информационной системы и телеологическим установкам (а в глобальном смысле — из-за отсутствия культуры, в том числе надындивидуальных схем коммуникативного взаимодействия).

Вышеперечисленные операции микро- и макроавтоматизации и являются теми коммуникативными механизмами, которые позволяют безболезненно адаптировать индивидуальность к коллективной информационной системе (сети — в случае ИИ и культуры для человеческого существа). Пример ИИ позволяет анализировать коммуникативные механизмы, так сказать, в чистом виде, без многих дополнительных факторов, привносимых человеческой культурой.

Основным отличием, характеризующим человеческую информационную структуру по сравнению с процессами обработки информации ИИ, является привязка коммуникативных механизмов к информации, не данной непосредственно при решении конкретно поставленной задачи. Во многих случаях информация не может быть должным образом интерпретирована без понимания контекста и коннотативных аспектов, которые, собственно, и обеспечивают

культурную обусловленность коммуникативных механизмов.

Двойственность человеческой природы нашла свое отражение в дихотомии «творчество – адаптация» [Хаксли О., 2004]. Творчество по сути своей дезадаптивно, поскольку выводит субъекта за рамки общепринятых и общеизвестных норм. Адаптация направлена в противоположную сторону — на согласование вектора развития индивида и общества. Чем более адаптирован к культуросфере человек, тем выше его зависимость от получения готовых решений стоящих перед ним задач. В этом случае культуросфера превращается в механизм манипуляции сознанием и лишения индивида творческого начала.

Постановка новых целей и разработка новых способов их достижения, являющиеся неотъемлемыми компонентами творческого процесса, приводят к конструктивному преобразованию среды обитания в целом и культуросферы в частности. Творческая личность — это не обязательно дезадаптированный гений, полностью погруженный в мыслительный процесс. Любой субъект информационного обмена, вносящий в культуросферу новое знание, пусть даже минимальное, становится творцом.

Коммуникативная инвалидность вследствие функционирования деструктивных механизмов является, безусловно, негативным явлением. Однако существует и противоположная крайность — культурный эталон, индивид, чьи информационные структуры максимально типичны, в результате чего он убежден в их эффективности и коммуникативной пригодности. Более того, так же, как его собственные эталонные структуры вытеснили менее типичные (и, следовательно, менее коммуникативно значимые), сам субъект стремится навязать свои более эффективные информационные элементы другим участникам коммуникации. Отсюда можно сделать вывод об обусловленности личностного роста неоптимальной информационной структурой, в противном случае личностное развитие подменялось бы коллективным поведенческим кодированием, которое хотя и обеспечивает адаптацию к культурной среде, но ведет к стагнации и прекращению эволюционного развития информационной системы.

Неуверенность в собственном «Я» — следствие отклонения коммуникативной системы субъекта от общекультурного вектора, ведь в

этом случае индивидуальная информационная структура и внутрискруктурные связи вступают в противоречие с коллективными. В условиях большей рейтинговости заимствованных данных неуверенность в правильности собственных действий? переходит на другие информационные элементы, из-за чего они теряют рейтинговость. Этот процесс приобретает лавинообразный характер, остановить который можно только путем приведения собственной информационной системы в соответствие с общекультурной.

Творчество является наиболее затратной с точки зрения мыслительных ресурсов деятельностью человека. Оно подразумевает нарушение коммуникативного принципа «получил готовую информацию из антропосферы — передал дальше». С помощью творческих усилий каждого отдельного человека общекультурный опыт пополняется новыми достижениями, но для этого нужно выйти за пределы коммуникативных схем. Коммуникативные механизмы позволяют экономить ментальные ресурсы, однако они не должны расходоваться «вхолостую». Современные информационные технологии могут доводить эту «когнитивную лень» почти до абсолюта, что отражается в формировании специфического типа «умственной лени» [Лазарев Ф.В. и др., 2012, с. 24], который заменяет ресурсоемкое освоение действительности во всей ее полноте получением готового знания, ценностных ориентиров, нравственных норм и т.д. без приложения собственных усилий.

Возможность легкого получения готовых решений посредством современных информационных технологий делает человека техноферно зависимым, что способствует потере умений и навыков творческого мышления, превращая человека в программируемую машину. Безусловно, такая автоматизация повышает уровень адаптированности человека к условиям социальной среды (реальной или виртуальной). При таких обстоятельствах важно выдерживать золотую середину: коммуникация облегчает получение информации и высвобождает ресурсы когнитивной системы, но эти ресурсы должны использоваться для выработки новых идей, которые пополняют общечеловеческую культурную базу.

Эффективность функционирования информационной системы определяется ее способностью к решению поставленных перед ее субъектом задач [Gazzaniga M.S. et al., 2010, p. 6–11]. В

повседневной жизни человек сталкивается с бесчисленным количеством задач, которые заставляют его формировать стратегии реакций, выбирать возможные решения и выверять соответствующие действия. Выполнение последовательных шагов, требуемых для решения задачи, зачастую является неосознанным [Солсо Р., 2006, с. 501], что также подтверждает теорию когнитивного скрипта и воздействие культурносферы на индивидуальную информационную систему субъекта.

В сфере задачного подхода выделяют конвергентные и дивергентные коммуникативные механизмы [Guilford J., 1982, p. 49–50]. Конвергентный принцип заключается в привязке к единственно верному варианту решения проблемы при отвержении альтернативных. На этом принципе построено большинство точных наук, подразумевающих разделение ответов на верные и неверные (например, на вопрос «соответствуют ли свойства данного кирпича задаче построения дома?» конвергентными вариантами ответа должны быть взаимоисключающие решения «да» и «нет»). Дивергентные механизмы не оценивают по критерию «верно – неверно», предлагая равновероятные варианты решения и являясь основой творческого типа мышления (например, при постановке вопроса «как можно применить данный кирпич в соответствии с его свойствами?» вариантов ответа множество, включая субъективные: от «эталоны массы» до «оружия пролетариата»). Конвергентные механизмы делают человеческое мышление сходным с операциями искусственного интеллекта, в то время как дивергентные схемы являются более креативными, однако требуют большего ментального усилия и могут оказаться дезадаптивными, поскольку их функционирование в меньшей степени привязано к общему направлению культурного развития.

При конвергентном подходе эффективность коммуникативного процесса определяется процентным соотношением выбора верных и неверных решений, в то же время результативность дивергентных механизмов количественному выражению не подлежит. Это объясняется тем, что творческое мышление не сводится к количеству предлагаемых вариантов. Оценка производительности дивергентной схемы в большей степени строится на аналогии и референции к предыдущему опыту применения подобных схем: чаще всего новая задача имеет общие

фрагменты с решенными ранее, следовательно, наиболее эффективной оказывается дивергентная схема, опирающаяся на проверенные и достоверные результаты предыдущего применения обоих типов [Hayes J.R., 1985, p. 394–397]. Кроме того, конвергентные схемы могут быть выражены в двоичной системе (1 — верно, 0 — неверно), что наделяет возможностью принятия конвергентного решения машину, в то время как дивергентные решения искусственному интеллекту недоступны.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов: 1) информационные операции, дающие возможность интериоризовать культурное знание, подразделяются на ассимилятивные и аккомодационные; 2) поступающая в процессе культурной коммуникации информация выступает в роли стимула, а когнитивные процессы — в качестве реакции на него; 3) степень интериоризации информации прямо пропорциональна чувствительности реципиента к ней; 4) чувствительность к поступающей информации определяется системой социокультурных фильтров, структурирующих и систематизирующих транслируемые данные; 5) операционной базой обработки культурной информации является принцип когнитивной экономичности, восходящий к основополагающему закону эволюции — соотношению затрачиваемой энергии к получаемому результату; 6) принцип когнитивной экономичности не должен возводиться в абсолют: сэкономленные мыслительные ресурсы должны направляться на процессы, связанные с творчеством, поскольку именно креативные виды деятельности наиболее ресурсозатратны.

Список литературы

Гончаров В.С. Психолого-педагогическое проектирование когнитивного развития школьников: дис. ... д-ра психол. наук. Курган, 2006. 407 с.

Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-центр, 1997. 432 с.

Лазарев Ф.В., Сыропятов О.Г., Яновский С.С. Психосоматическая антропология: теория и практика. Симферополь: Н. Ореанда, 2012. 152 с.

Прокончук Ю.А. Информационная структура теории естественной предметной области // Вестник Херсонского национального технического университета. 2010. № 2(38). С. 11–19.

Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2006. 589 с.

Теоретическая социология: антология / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред.

С.П. Баньковской. М.: Кн. дом «Университет», 2002. 424 с.

Хаксли О. Вечная философия. М.: Эксмо, 2004. 464 с.

Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: учеб. пособие. М.: Академ. проект, 2007. 472 с.

Gazzaniga M.S., Reuter-Lorenz P.A., Baynes K. The Cognitive Neuroscience of Mind: a Tribute to Michael S. Gazzaniga. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262014014.001.0001>

Guilford J.P. Cognitive Psychology's Ambiguities: Some Suggested Remedies // Psychological Review. 1982. Vol. 89, iss. 1. P. 48–59. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295x.89.1.48>

Haggbloom S.J., Warnick R., Warnick J.E., Jones V.K. et al. The 100 Most Eminent Psychologists of the 20th Century // Review of General Psychology. 2002. Vol. 6, iss. 2. P. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.6.2.139>

Harlow H.F., Harlow P. Human Model: Primate Perspective. Great Falls, MT: Winston, 1999. 366 p.

Hayes J.R. Three Problems in Teaching General Skills // Thinking and Learning Skills. Vol 2: Research and Open Questions / ed. by S.F. Chipman, J.W. Segal, R. Glaser. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1985. 640 p.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, IL: Chicago University Press, 1987. 596 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226471013.001.0001>

Park R. Assimilation // Introduction to the Science of Sociology / ed. by R. Park, E. Burgess. Chicago, IL: Chicago University Press, 1989. P. 734–739.

Rosch E. Principles of Categorization. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. 328 p.

Получено 12.04.2020

References

Bankovskaya, S.P. (ed.) (2002). *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya, per. s angl., fr., nem.* [Theoretical sociology: Anthology, trans. from English, French, German, and Italian]. Moscow: Knizhnyy dom «Universitet» Publ., 424 p.

Cole, M. (1997). *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural psychology]. Moscow: Cogito-Centre Publ., 432 p.

Gazzaniga, M.S., Reuter-Lorenz, P.A. and Baynes, K. (2010). The cognitive neuroscience of mind: a tribute to Michael S. Gazzaniga. Cambridge,

MA: MIT Press, 256 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262014014.001.0001>

Goncharov, V.S. (2006). *Psikhologo-pedagogicheskoe proektirovanie kognitivnogo razvitiya shkol'nikov: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Psychological and pedagogical projecting for cognitive development of schoolchildren: dissertation]. Kurgan, 407 p.

Guilford, J.P. (1982). Cognitive psychology's ambiguities: some suggested remedies. *Psychological Review*. No. 89, iss. 1, pp. 48–59. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295x.89.1.48>

Haggbloom, S.J., Warnick, R., Warnick, J.E., Jones, V.K. et al. (2002). The 100 most eminent psychologists of the 20th century. *Review of General Psychology*. Vol. 6, iss. 2, pp. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.6.2.139>

Harlow, H.F. and Harlow, P. (1999). *Human model: primate perspective*. Great Falls, MT: Winston Publ., 366 p.

Hayes, J.R. (1985). Three problems in teaching general skills. *Thinking and learning skills. Vol. 2: Research and open questions*, ed. by S.F. Chipman, J.W. Segal, R. Glaser. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publ., 640 p.

Huxley, A. (2004). *Vechnaya filosofiya* [The perennial philosophy]. Moscow: Eksmo Publ., 464 p.

Lakoff, G. (1987). *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago, IL: Chi-

cago University Press, 596 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226471013.001.0001>

Lazarev, F.V., Syropyatov, O.G. and Yanovskiy, S.S. (2012). *Psikhosomaticheskaya antropologiya: teoriya i praktika* [Psychosomatic anthropology: theory and practice]. Simferopol: N. Oreanda Publ., 152 p.

Park, R. (1989). Assimilation. *Introduction to the Science of Sociology*, ed. by R. Park, E. Burgess. Chicago, IL: Chicago University Press, pp. 734–739.

Prokopchuk, Yu.A. (2010). *Informatsionnaya struktura teorii estestvennoy predmetnoy oblasti* [Informational structure of the natural subject theory]. *Vestnik Khersonskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta* [Scientific Bulletin of Kherson State University]. No. 2(38), pp. 11–19.

Rosch, E. (1978). *Principles of categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publ., 328 p.

Solso, R. (2006). *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. Saint Petersburg: Piter Publ., 589 p.

Yudina, T.N. (2007). *Migratsiya: slovar' osnovnykh terminov* [Migration: the basic term dictionary]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 472 p.

Received 12.04.2020

Об авторе

Сидоренко Владимир Александрович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, правоведения,
социальных и гуманитарных наук

Луганский государственный медицинский
университет им. Святителя Луки,
Украина, 91045, Луганск, кв. 50 лет Оборона Лу-
ганска, 1 г;
e-mail: philosophy.lsmu@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7024-4228>

About the author

Vladimir A. Sidorenko

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Law, Social and Humanitarian Sciences

Saint Luka Lugansk State Medical University,
1 g, 50 Let Oborony Luganska bl., Lugansk,
91045, Ukraine;
e-mail: philosophy.lsmu@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7024-4228>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сидоренко В.А. Когнитивные основания информационного взаимодействия в процессах культурной коммуникации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 215–222.
DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-215-222](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-215-222)

For citation:

Sidorenko V.A. [Cognitive base for the information interchange in the processes of cultural communication]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 215–222 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-215-222](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-215-222)